

Интеллектуальная собственность в международном частном праве: вопросы коллизионного регулирования, унификации и гармонизации

Анна Борисовна Арзуманян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
rumi12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4182-0884>

Аннотация

Введение. Интеллектуальная собственность в XXI веке стала одним из ключевых активов глобальной экономики. Ее трансграничный характер, обусловленный международным разделением труда, цифровизацией и повсеместным использованием объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, вступает в фундаментальное противоречие с территориальным принципом, исторически лежащим в основе ее правовой охраны, что порождает сложности коллизионного регулирования. Разрешение коллизионных вопросов в международном частном праве происходит как на уровне национального коллизионного регулирования, так и на международном уровне. Особое место отводится таким ключевым процессам, как унификация и гармонизация права.

Цель. Провести комплексный анализ современного состояния коллизионного регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, а также роли международной унификации и гармонизации в преодолении правовой неопределенности в условиях роста трансграничного обмена правами на интеллектуальную собственность (ИС).

Методы. В работе использованы общие и специальные методы научного познания: метод системного и логического анализа, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Результаты. В цифровую эпоху территориальный принцип сталкивается с особой проблемой: использование объекта ИС в сети Интернет по своей природе является трансграничным и повсеместным. Нарушение, начатое в одной юрисдикции, может мгновенно причинить вред в десятках других. Это порождает сложные вопросы локализации нарушения и определения применимого права. Можно выделить три основные группы отношений в сфере ИС, нуждающиеся в коллизионном регулировании: интеллектуальный статут (признание, действие, объем прав ИС); договорные обязательства из прав ИС; внедоговорные (деликтные) обязательства, связанные с нарушением прав на ИС. Национальное законодательство демонстрирует, как правило, фрагментарность коллизионного регулирования; попытки международной унификации сталкиваются неразрешимыми противоречиями в подходах государств к коллизионному вопросу в сфере ИС. Инструментом преодоления этих противоречий становятся процессы международной гармонизации.

Выводы. Коллизионное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности находится в состоянии динамичного развития, обусловленного противоречием между территориальным характером прав и экстерриториальным характером их использования. Значимым вектором развития международного частного права в сфере интеллектуальной собственности стала международная гармонизация. Незавершенность межгосударственных инициатив

по унификации была компенсирована продуктивной работой экспертного сообщества по созданию частноправовых кодификаций. Они сформировали полноценную модель регулирования, предлагающую специализированные подходы ко всем ключевым категориям частноправовых отношений в сфере ИС. Национальные законодательства, включая российское, демонстрируют смешанный подход, сочетая материально-правовые нормы с фрагментарным коллизионным регулированием; в перспективе можно ожидать сближения с подходами, предложенными в актах гармонизации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коллизионное регулирование, коллизионные механизмы, лицензионные договоры, международная унификация, международная гармонизация, международное частное право, международные соглашения

Для цитирования: Арзуманян А. Б. Интеллектуальная собственность в международном частном праве: вопросы коллизионного регулирования, унификации и гармонизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 67–74. EDN FDYNTV

Original article

Intellectual property in private international law: issues of conflict of laws regulation, unification and harmonization

Anna B. Arzumanyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
rumi12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4182-0884>

Abstract

Introduction. Intellectual property has become one of the key assets of the global economy in the 21st century. Its cross-border nature, due to the international division of labor, digitalization and widespread use of IP objects on the Internet, comes into fundamental conflict with the territorial principle that historically underlies its legal protection, which creates difficulties in conflict-of-laws regulation. Conflict of laws issues in private international law are resolved both at the level of national conflict of laws regulation and at the international level. A special place is given to such key processes as the unification and harmonization of law.

Purpose. The article provides a comprehensive analysis of the current state of conflict-of-laws regulation of relations in the field of intellectual property, as well as the role of international unification and harmonization in overcoming legal uncertainty in the context of the growing cross-border exchange of intellectual property rights (IP).

Methods. The work uses general and special methods of scientific knowledge: the method of systematic and logical analysis, formal legal, historical, legal and comparative legal methods.

Results. In the digital age, the territorial principle faces a special problem: the use of an IP object on the Internet is by its nature cross-border and ubiquitous. A violation initiated in one jurisdiction can instantly cause harm in dozens of others. This raises difficult issues of localization of the violation and determination of the applicable law. There are three main groups of IP relations that need conflict-of-laws regulation: intellectual statute (recognition, effect, scope of IP rights); contractual obligations from IP rights; non-contractual (tort) obligations related to the violation of IP rights. National legislation demonstrates, as a rule, the fragmentation of conflict-of-laws regulation; attempts at international unification face insoluble contradictions in the approaches of States to the conflict-of-laws issue in the field of IP. The processes of international harmonization are becoming a tool for overcoming these contradictions.

Conclusions. Conflict-of-laws regulation of relations in the field of intellectual property is in a state of dynamic development due to the contradiction between the territorial nature of rights and the extraterritorial nature of their use. International harmonization has become a significant vector in the development of private international law in the field of intellectual property. The incompleteness of interstate unification initiatives was offset by the productive work of the expert community on the creation of private law codifications. They have formed a full-fledged regulatory model offering specialized approaches to all key categories of private law relations in the field of IP. National legislation, including Russian legislation, demonstrates a mixed approach, combining substantive legal norms with fragmented conflict-of-laws regulation; in the future, we can expect convergence with the approaches proposed in the harmonization acts.

Keywords: intellectual property, conflict of laws regulation, conflict of laws mechanisms, licensing agreements, international unification, international harmonization, private international law, international agreements

For citation: Arzumanyan A. B. Intellectual property in private international law: issues of conflict of laws regulation, unification and harmonization. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):67–74 (In Russ.). EDN FDYNTV

Введение

Интеллектуальная собственность (ИС) в XXI веке стала одним из ключевых активов глобальной экономики. Ее трансграничный характер, обусловленный международным разделением труда, цифровизацией и повсеместным использованием объектов ИС в сети Интернет, вступает в фундаментальное противоречие с территориальным принципом, исторически лежащим в основе ее правовой охраны. Согласно этому принципу, исключительные права действуют лишь в пределах того государства, где они были признаны или зарегистрированы.

Нематериальный характер ИС и территориальный принцип ее охраны порождает сложности коллизионного регулирования. В общем виде коллизионное регулирование ИС направлено на разрешение следующих вопросов: право какого государства применяется к возникновению прав ИС, их объему, нарушению и договорным обязательствам в отношении объектов ИС; суд какого государства обладает компетенцией по рассмотрению трансграничных споров в этой области; как осуществляется признание и исполнение иностранных судебных решений по таким спорам¹.

Разрешение этих вопросов в международном частном праве происходит как на уровне национального коллизионного регулирования, так и на международном уровне. Особое место отводится таким ключевым процессам, как унификация и гармонизация права. Если унификация, направленная на создание обязательных международно-правовых норм, долгое время не приносила достаточных результатов в области ИС, то гармонизация, как более гибкий процесс сближения правовых подходов, доказала свою практическую значимость, немаловажную роль в этом сыграли частноправовые кодификации.

Методы. В работе использованы общие и специальные методы научного познания: метод системного и логического анализа, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Результаты и обсуждение

Коллизионное регулирование в сфере ИС неразрывно связано с территориальным принципом, закрепленным в ключевых международных договорах, таких как Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.) и Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г.). Суть его заключается в том, что патент или товарный знак, зарегистрированный в одной стране, не имеет силы в другой; охрана авторского права, хотя и возникает автоматически, также ограничена территорией конкретного государства (принцип независимой охраны), что создает значительные препятствия для международной торговли и инноваций.

В цифровую эпоху территориальный принцип сталкивается с особой проблемой: использование объекта ИС в сети Интернет по своей природе является трансграничным и повсеместным. Нарушение, начатое в одной юрисдикции, может мгновенно причинить вред в десятках других. Это порождает сложные вопросы локализации нарушения и определения применимого права. Основная задача международного частного права в сфере ИС – разработать такие коллизионные механизмы, которые, признавая территориальность, могли бы адекватно реагировать на трансграничный характер современных экономических отношений.

Применимое право. Коллизионное регулирование отвечает на вопрос о том, право какого государства подлежит применению к тем или иным отношениям, связанным с ИС. В свою очередь, можно выделить три основные группы отношений в сфере ИС, нуждающиеся в коллизионном регулировании: интеллектуальный статут (признание, действие, объем прав ИС); договорные

¹ Вопрос о признании и исполнении иностранных судебных решений по спорам из ИС вынесен за рамки настоящей статьи.

обязательства из прав ИС; внедоговорные (деликтные) обязательства, связанные с нарушением прав на ИС [1, с. 10].

В мировой практике доминируют несколько основных коллизионных привязок. *Lex loci protectionis* (право страны, где испрашивается охрана) – основная и наиболее распространенная привязка, применяемая к вопросам существования, объема, срока действия и нарушения исключительных прав. Ее логика напрямую вытекает из территориального принципа: поскольку право действует на определенной территории, то и его содержание должно определяться правом этой территории. В частности, такой подход отражен в Регламенте Рим II 2007 г. (статья 8).

Lex fori (право страны суда). Данная привязка означает применение права той страны, где испрашивается защита прав на ИС. Этот подход отражен, в частности, в законодательстве стран ЕАЭС (ст. 1132 ГК Республики Беларусь; ст. 1291 ГК Республики Армения), в Законе Венгрии «О международном частном праве» 2017 г. В научной литературе отмечается, что применение этой привязки не связано с любыми мерами защиты. Поскольку речь может идти и о внесудебных мерах защиты, то к таким случаям применяется привязка *lex loci protectionis*.

Lex contractus (право, применимое к договору). Для лицензионных договоров, договоров об отчуждении прав и других соглашений в сфере ИС действуют общие принципы автономии воли сторон. Стороны могут выбрать применимое право, хотя это право часто ограничивается императивными нормами страны охраны (*lex loci protectionis*) в вопросах, касающихся собственно интеллектуальных прав.

Lex originis (право страны происхождения). Эта привязка предлагает применять право страны, где произведение было создано или объект ИС был впервые зарегистрирован. Несмотря на свою привлекательность для упрощения регулирования, она имеет ограниченное применение, так как противоречит устоявшейся практике территориальности.

Lex loci delicti commissi (право страны, где совершено нарушение). В отношении внедоговорных обязательств в сфере ИС действует общая для гражданско-правовых деликтов коллизионная привязка, если только национальным законом или международным обязательством не определяется специальное правило для деликтов в сфере ИС. Так, например, Кодекс МЧП Болгарии 2005 года определяет на этот случай привязку *lex loci protectionis* (статья 110 Кодекса).

Российское законодательство демонстрирует фрагментарный подход к коллизионному регулированию ИС, что проявляется в сочетании материально-правовых и коллизионных норм в части 4 ГК РФ. Так, личные неимущественные права иностранных авторов охраняются на основе национального режима без требования взаимности (п. 1 ст. 1231 ГК РФ), что выходит за рамки международных обязательств России. Исключительные (имущественные) права признаются в одностороннем порядке в строго определенных случаях: для произведений, обнародованных в России, или для произведений российских граждан (ст. 1256 ГК РФ).

Коллизионные нормы части 4 ГК РФ действуют для определения автора произведения, созданного и обнародованного за рубежом и для определения объема охраны. Так, п. 3 статьи 1256 ГК РФ устанавливает, что в случаях, когда охрана предоставляется на основании международного договора, автор определяется по праву страны, где имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав (*lex loci actus*). Фактически это означает применение права страны, где произведение было создано.

Объем охраны объектов ИС определяется в соответствии с п. 2 статьи 1231 ГК РФ: это односторонняя коллизионная норма, устанавливающая, что содержание исключительного права, его ограничения и способы защиты определяются российским правом, если международным договором не предусмотрено иное. Данная норма подчеркивает приверженность законодателя территориальному принципу. При этом в научной литературе справедливо обращается внимание на не совсем удачную формулировку о «признании» исключительного права «в соответствии с международным договором» [2, с. 50–53]. В то же время российский законодатель избегает комплексного решения коллизионной проблемы в разделе VI ГК РФ (статут ИС – регулирование договорных обязательств – регулирование внедоговорных обязательств). В ходе реформы гражданского законодательства 2012–2014 гг. не был воплощен в жизнь проект о введении в часть 3 ГК РФ отдельной статьи, посвященной статуту ИС – проект статьи 1207.2, определявший применимое право

к исключительным правам на ИС. В действующей редакции части 3 ГК РФ коллизионная привязка устанавливается только в отношении договорных обязательств о распоряжении исключительными правами на ИС (пп. 6-8 статьи 1211 ГК РФ).

В отношении внедоговорных обязательств действует общее правило статьи 1219 ГК РФ (*lex loci delicti commissi*), а также субсидиарное правило *lex loci delicti damni* (право страны причинения вреда). Согласно п. 4 статьи 1219 ГК РФ стороны также могут заключить соглашение о выборе права после того, как деликт совершен. Остается нерешенным вопрос, насколько это правило применимо к деликтам из нарушения прав ИС с учетом территориального принципа охраны. Так, например, Закон Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. прямо допускает возможность выбора права сторонами спора из прав ИС, в то время как Регламент Рим II исключает такую возможность.

Подсудность. Решение коллизионного вопроса о юрисдикции суда, компетентного рассматривать споры в области прав ИС, зависит от множества факторов, таких как основания иска; коллизионные нормы законодательства страны суда; нормы международных и региональных соглашений; наличие соглашения сторон о выборе суда; постоянное место жительства ответчика. Если спор бывает связан одновременно с несколькими юрисдикциями, например, ответчики постоянно проживают в разных государствах, иск может быть предъявлен по месту постоянного проживания любого из них.

Пример международной унификации в этой области – Гаагская конвенция о соглашениях о выборе суда 2005 г. К ее недостаткам можно отнести ограниченную сферу применения: Конвенция распространяется только на исключительные соглашения о выборе суда; из ее сферы действия прямо исключается ряд споров об ИС (статья 2(2)). Пример региональной унификации – Регламент «Брюссель I bis» 2012 г.: определяет юрисдикцию только в отношении судов стран ЕС; устанавливает принцип рассмотрения дел по месту domicilia ответчика и принцип тесной связи; определяет исключительную юрисдикцию по делам, связанным с регистрацией и действительностью прав на объекты ИС, нуждающиеся в регистрации.

При решении вопроса о подсудности особое внимание уделяется исключительной подсудности споров об ИС, что рассматривается как соблюдение принципа территориальности¹. Так, Регламент «Брюссель I bis» устанавливает исключительную юрисдикцию по делам о регистрации и действительности патентов, товарных знаков и других объектов ИС, которые нуждаются в регистрации или депонировании. Подобный подход использует и национальный законодатель. Например, в соответствии с АПК РФ подсудность споров в отношении тех объектов ИС, которые нуждаются в обязательной государственной регистрации, исключительно российская (п. 1 статьи 248).

Наиболее сложными вопросы юрисдикции становятся в случаях споров, связанных с нарушениями в сети Интернет, когда нарушение и его последствия имеют место на территории разных государств. Например, для определения связи спора с юрисдикцией конкретного государства могут устанавливаться различные «связующие факторы», такие как место нахождения нарушителя; место причинения ущерба; государства, в которых пользователи имеют доступ к объекту ИС (например, к объекту авторского права); местонахождение сервера и другие². В таких случаях суды могут сталкиваться с необходимостью предварительно сделать вывод о том, имело ли место нарушение на территории конкретного государства.

Унификация. Следует отметить, что процессы международной унификации, сыгравшие большую роль в области материально-правового регулирования ИС, совершенно иначе проявляют себя в коллизионном регулировании. Как отмечает С. Крупко, попытки унификации коллизионных норм и норм международного гражданского процесса в сфере ИС под эгидой Гаагской конференции по международному частному праву и других организаций остаются в значительной степени незавершенными [3, с. 113–114]. Разработка Конвенции о юрисдикции и иностранных решениях по гражданским и коммерческим делам, а также специального проекта Конвенции по ИС (2001 г.) столкнулась с непреодолимыми разногласиями между государствами по ключевым вопросам: применимое право к нарушениям в сети Интернет; международная

¹ Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности. Руководство для судей. WIPO, HCCH. 2019. 110 с. // https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1053.pdf

² Там же.

подсудность при множественности нарушителей; признание и исполнение решений, затрагивающих действительность национальных патентов и товарных знаков.

Успехи унификации носят точечный характер и касаются в основном процедурных аспектов (Договор о патентной кооперации, Мадридская система регистрации товарных знаков) или узких коллизионных вопросов (например, определение права на евразийский патент для служебных изобретений в Евразийской патентной конвенции). В научной литературе так и не сложилось единого мнения по поводу существования коллизионной привязки в статье 5(2) Бернской конвенции [2, с. 39–42; 4, с. 11–12]. Принцип территориальности прав ИС, заложенный в международных конвенциях по ИС, все чаще подвергается критике в научной литературе под влиянием практической сложности его реализации в условиях развития цифровой экономики и роста интеграционных процессов, неизбежно и повсеместно затрагивающих вопросы использования этих прав [5, с. 106–116]. Тем не менее, практика международной унификации показывает, что вопросы ИС слишком «чувствительны» для национальных экономик и правовых систем. Это связано с особым интересом государств в охране ИС, с вопросами не только правового, но также технологического и информационного суверенитета [6, с. 446–449; 7, с. 39–44].

Гармонизация. Гармонизация представляет собой более мягкий процесс сближения правового регулирования, который может осуществляться не только через межгосударственные договоры, но и через негосударственные регуляторы (модельные законы, руководящие принципы, доктринальные разработки). В зависимости от этого различают два вида гармонизации: активную – путем имплементации гармонизированных принципов в национальное законодательство и пассивную – через влияние на судебную и арбитражную практику, когда суды используют эти принципы для толкования норм и восполнения пробелов в праве. Именно гармонизация стала доминирующим способом преодоления фрагментации в регулировании трансграничных отношений в сфере ИС.

Ключевой вклад в гармонизацию ИС в международном частном праве вносят такие международные организации, как:

1) **ВОИС**, которая сыграла ключевую роль в выявлении «зон разногласий». Принятые в 1999–2001 гг. Совместные рекомендации (по общеизвестным знакам, знакам в Интернете, лицензиям на товарные знаки) хотя и не содержат коллизионных норм, но четко обозначили материально-правовые вопросы, по которым государства не смогли достичь консенсуса (например, критерии нарушения в сети Интернет, правовой статус лицензий). Эти «чувствительные» вопросы напрямую влияют на формирование коллизионных привязок. Кроме того, ВОИС инициировала масштабные исследовательские проекты и публикации (например, доклад Эндрю Кристи 2015 г. об онлайн-нарушениях, Руководство для судей 2019 г.), которые заложили доктринальную основу для гармонизации;

2) **Гаагская конференция по международному частному праву**. Несмотря на отсутствие специализированной конвенции по ИС, вопросы ИС учитывались при разработке документов общего характера, таких как Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам 2015 года. В комментариях к ним прямо указано, что они распространяются на лицензионные договоры и договоры о передаче технологий, что подтверждает применимость общих принципов автономии воли к контрактам в сфере ИС;

3) **ЮНСИТРАЛ**. Комиссия ООН по праву международной торговли способствует гармонизации через призму коммерческого права. В Модельном законе по обеспеченным сделкам 2016 г. содержится специальная статья 99, устанавливающая коллизионные правила для обеспечительных прав в отношении ИС, в основном отдавая предпочтение праву страны, где ИС охраняется (*lex loci protectionis*).

Наиболее значимым проявлением международной гармонизации стало создание частно-правовых кодификаций, детализированных сводов принципов, разработанных ведущими мировыми экспертами и научными центрами¹. Анализ этих принципов позволяет говорить

¹ Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes. American Law Institute: Intellectual Property; St. Paul, MN: American Law Institute, 2008.; European Max Planck Group. (2011). Principles on conflict of laws in intellectual property (CLIP); Private International Law Association of the Republic of Korea and Japan. (2010). Joint Proposal on the Principles of private international law on intellectual property rights.; International Law Association. (2020). Guidelines on intellectual property and private international law ("Kyoto Guidelines").

о сложившейся системе коллизионно-правового регулирования, состоящей из следующих ключевых групп отношений [8, с. 152]: содержание и сфера основной коллизионной привязки (*lex loci protectionis*); первоначальное правообладание (*initial ownership*); передаваемость прав; договорные отношения (лицензии, отчуждение, трудовые договоры); автономия воли сторон при нарушении прав; случаи, когда компетентны несколько правопорядков; нарушения, затрагивающие несколько стран (множественные и повсеместные нарушения); последующие (вторичные) нарушения; средства защиты нарушенных прав и их объем.

Не обладая обязательной юридической силой, частноправовые кодификации служат важным инструментом пассивной гармонизации. На практике они используются судьями и арбитрами для толкования норм, восполнения пробелов и выработки единообразных подходов; законодателями в качестве модельного акта при реформе национального законодательства, а также участниками оборота для выработки правовой позиции по сложным трансграничным спорам. Особое внимание следует уделить *Киотским руководящим принципам 2020 г.* Они разработаны Комитетом Ассоциации международного права и представляют собой наиболее современный, универсальный и сбалансированный документом, синтезирующий опыт предыдущих кодификаций. Киотские руководящие принципы предлагают детализированный алгоритм для разрешения споров о повсеместных нарушениях в Интернете, включая правила о юрисдикции, территориальной сфере действия судебных запретов и координации параллельных процессов.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый благодаря гармонизации, ряд проблем остается актуальным. Среди перспективных направлений дальнейшего развития можно выделить такие проблемные области, как:

споры, связанные с большими данными, искусственным интеллектом, невзаимозаменяемыми токенами (NFT) и цифровыми объектами искусства: коллизионные подходы к ним только начинают формироваться;

возможность передачи споров, связанных с действительностью патентов и товарных знаков, в международный коммерческий арбитраж остается дискуссионным, хотя частноправовые кодификации (Киотские принципы) закрепляют такую возможность;

поиск оптимального баланса между территориальностью и универсальностью: развитие таких концепций, как «право страны наиболее тесной связи» и автономия воли сторон применительно к договорам в сфере ИС, свидетельствует о движении в сторону большей гибкости.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Коллизионное регулирование отношений в сфере ИС находится в состоянии динамичного развития, обусловленного противоречием между территориальным характером прав и экстерриториальным характером их использования.

Значимым вектором развития международного частного права в сфере ИС стала международная гармонизация. Частноправовые кодификации сформировали полноценную модель регулирования, предлагающую специализированные подходы ко всем ключевым категориям отношений: правам *in rem*, договорным и внедоговорным обязательствам.

Национальные законодательства, включая российское, демонстрируют смешанный подход, сочетая материально-правовые нормы с фрагментарным коллизионным регулированием; в перспективе можно ожидать сближение с подходами, предложенными в актах гармонизации.

Таким образом, современное коллизионное регулирование интеллектуальной собственности представляет собой многоуровневую систему, в которой национальные нормы, международные договоры и, что особенно важно, негосударственные регуляторы взаимодействуют, стремясь обеспечить правовую определенность и эффективную защиту прав в условиях цифровой экономики и технологических вызовов.

Список источников

1. Суспицына М. В. Коллизионное регулирование отношений интеллектуальной собственности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03: М., 2013. 24 с.
2. Крупко С. И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография. М.: Статут, 2018. 279 с.

3. Крупко С. И. Развитие международного частного права в сфере интеллектуальной собственности: опыт международной унификации // Международное правосудие. 2023. № 2. С. 92–114. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-92-114
4. Тиунова А. И. Нарушение исключительных прав в сети Интернет: сравнительный анализ регулирования по вопросу применимого права. // Цифровое право. 2022. № 3(2). С. 8–24. DOI: 10.38044/2686-9136-2022-3-2-8-24
5. Моргунова Е. А., Шахназаров Б. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. 152 с.
6. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. 672 с.
7. Матюк Ю. С. Правовая политика в сфере использования систем искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического суверенитета страны // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 1. С. 39–44. DOI 10.18522/2313-6138-2024-11-1-5
8. Шахназаров Б. А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 144–155. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.144-155

References

1. Suspitsyna M. V. *Conflict of laws regulation of intellectual property relations*: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.03: Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.)
2. Krupko S. I. *Tort obligations in the field of intellectual property in private international law*: a monograph. Moscow: Statute, 2018. 279 p. (In Russ.)
3. Krupko S. I. Development of private international law in the field of intellectual property: experience of international unification. *International justice*. 2023;(2):92–114. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-92-114. (In Russ.)
4. Tiunova A. I. Violation of exclusive rights on the Internet: a comparative analysis of regulation on the issue of applicable law. *Digital law*. 2022;3(2):8–24. DOI: 10.38044/2686-9136-2022-3-2-8-24. (In Russ.)
5. Morgunova E. A., Shakhnazarov B. A. *Intellectual property law in the context of the development of new technologies*: monograph. Moscow: Norma, INFRA-M; 2023. 152 p. (In Russ.)
6. *Problems of unification of private international law*: a monograph / N.V. Vlasova, N.G. Doronina, T.P. Lazareva et al.; edited by N.G. Doronin. 2nd ed., revised and additional. Moscow: IZiSP, Jurisprudence; 2023. 672 p. (In Russ.)
7. Matyuk Yu. S. Legal policy in the field of the use of artificial intelligence systems in the context of ensuring the technological sovereignty of the country. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2024;11(1):39–44. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-5. (In Russ.)
8. Shakhnazarov B. A. General characteristics of the system of conflict-of-laws regulation of industrial property objects. *Actual problems of Russian law*. 2019;(2):144–155. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.144-155. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Б. Арзуманян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического факультета ЮФУ.

Information about the author

A. B. Arzumanyan – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of International Law at the Law Faculty, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 21.11.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.